

ЭДУАРД АНАШКИН

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ РОССИИ

*К 100-летию со дня рождения
русского писателя Михаила Николаевича Алексева*

*Моё седое поколение —
Оно особого каленья!
Особой выкладки и шага —
От Сталинграда до Рейхстага!*

*Мы — старики, но мы и дети,
Мы и на том, и этом свете,
А духом все мы — сталинградцы,
Нам Богом велено держаться!*

Егор Исаев — однополчанину
М. Н. Алексеву

В майские праздники на пятом канале центрального телевидения был показан замечательный фильм по роману Михаила Алексева “Вишнёвый омут”.

Был взволнован — мы воспитывались на таких фильмах. Полез в книжный шкаф и нашёл сам роман. Это книга в светло-сиреновой обложке, изданная издательством “Советская Россия” в 1968 году. Открываю обложку и читаю: “Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года роману М. Н. Алексева “Вишнёвый омут” присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького”.

Однажды в разговоре Михаил Николаевич поведал мне о своём сочинении:

— Самым дорогим для меня человеком (после матери, конечно) был дед Михаил Николаевич Алексеев. Он был старшим в нашем доме, я — самым младшим. И мы были тёзки тройне — по имени, отчеству и фамилии. И мы любили друг друга. Когда я писал роман “Вишнёвый омут”, то своего главного героя Михаила Аверьяновича Харламова почти в точности списывал с деда Михаила. С деда началось в селе Монастырском повальное увлечение садами или, как сказали бы теперь, садоводством. Дедушкин сад — это был для нас, детей, мир почти волшебный. Мы росли в этом мире. И гибель сада в тридцатых годах — незаживающая рана в моём сердце. Как это произошло, рассказано в “Вишнёвом омуте”.

Открываю дневник, который веду много лет, нахожу страницы с описанием нашего знакомства с Михаилом Николаевичем и моего посещения его дачи на проезде Вишневого в городке писателей Переделкино.

“20 января 2002 года.

Сегодня в Москву не поеду. Ещё раз схожу в музей К. И. Чуковского, побываю в его прекрасной детской библиотеке. Меня поражает обилие книг на даче Корнея Ивановича – шесть тысяч томов.

Когда уходил из музея Чуковского, заметил, что температура на градуснике – 7°C. А так хорошо в посёлке: тихо, идёт крупный пушистый снег, небольшой морозец.

После обеда, захватив книгу, пошёл на дачу Михаила Николаевича Алексеева.

Сильно волнуясь. Ещё бы!

Михаил Николаевич Алексеев не обижен громкой славой, он – Герой Социалистического Труда, академик двух академий, профессор МК ЮНЕСКО, ветеран Великой Отечественной войны, полковник в отставке, инвалид войны 2-й группы, лауреат Госпремии СССР. И общий тираж его изданий – более двух миллионов экземпляров.

И кто я? Простой мужик из деревни. Ну, пописываю, иногда печатают. Я бы, возможно, и не осмелился пойти на дачу к Михаилу Николаевичу, но меня к этому подтолкнула детский писатель Светлана Васильевна Вьюгина, за что я ей очень благодарен:

– Эдуард Константинович, – сказала мне она в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, – вот вам книга Михаила Алексеева “Мой Сталинград”, изданная недавно в Москве. Сходите к нему на дачу, познакомьтесь, возьмите автограф. Одним словом, не пожалейте. А живёт он около пруда.

Дом находится в глубине сада, калитка заперта. Нажимаю кнопку звонка и жду. Встал на бугорок снега и начал смотреть на дом. Ранние вечерние сумерки, рядом – проезжая шоссе дорога, а дальше – село Переделки.

На крыльце дома показалась женщина, не спеша подошла к калитке, спросила:

– Кто?

– Мне нужен Михаил Николаевич.

В калитке повернулся ключ, что-то звякнуло, она открылась.

Передо мной стояла ещё не старая, сохранившая свою русскую красоту женщина.

“Дочь”, – подумал я.

– Михаил Николаевич отдыхает. Недавно прилёт. Заснул.

– Мне от него ничего не надо. Я хотел взять у него только автограф. И притом я издалека, и вряд ли у меня представится такая возможность повидать Михаила Николаевича и взять у него автограф.

– Откуда вы?

– Из Самарской области.

– Проходите.

Мы шли с ней по очищенной от снега дорожке от ворот до самого дома.

Мне предложили раздеться, а сам хозяйка поднялась по деревянной лестнице на второй этаж здания.

Через некоторое время появился Алексеев, в тёплой зимней рубашке, чёрном трико. Я узнал его сразу же по многочисленным фотографиям в газетах и журналах.

Михаил Николаевич протянул мне руку, поздоровался и произнёс:

– Проходи, земляк, в мой кабинет.

Кабинет писателя – на первом этаже, сразу же за столовой, довольно-таки просторный.

Я сел в кресло, которое мне предложили. Михаил Николаевич обратился к женщине:

– Таня, принеси нам что-нибудь. . .

Сам же начал подробно расспрашивать меня.

Через некоторое время на стол был поставлен поднос, на котором красовалась початая бутылка водки “Гжелка”, два стаканчика, хлеб, колбаса, горчица.

“Аристократическая водка”, – подумалось мне, в писательских кругах её так “обозвали”.

– Это у меня вторая жена – Татьяна, – сказал Михаил Николаевич, разливая водку. – Первая – Галина Андреевна – была сестрой милосердия. Бывшая десятиклассница, хрупкая и тонкая, как тростинка, защищала Сталинград. Как медсестра несколько раз и меня спасала от смерти. Имела боевые

награды: орден Отечественной войны II степени и медаль “За боевые заслуги”. Вот уже два десятка лет, как ушла в мир иной, оставив мне двух дочерей, — Наташу и Ларису. А когда она была живой, подружившаяся с ней очень талантливая поэтесса Людмила Шикина посвятила ей вот это стихотворение:

*Что ж ты, Галя,
Шаль посадскую
Опустила на глаза?
Где шинель твоя солдатская —
Злому врагу гроза?
Где пилотка — ломтик месяца
В окровавленном дыму?
То ли тополь в окнах мечется,
То ли память — не пойму.
За окошком ночь осенняя,
Ты глядишь в квадраты рам.
Небо звёздами усеяно,
Подсчитать бы,
Сколько ран —
Сколько ран тобой врачёвано,
Милосердная сестра,
Сколько раз в снегу ночёвано...
Так и будешь до утра
Всё глядеть куда-то в прошлое,
На сиреневую ночь?
Всё, что жизнью было спрошено,
Что по силам и невмочь,
Отдала ты с верой чистой,
И печалиться постой.
Веря в Жизнь,
Солдат от выстрела
Заслонил тебя собой.*

Когда я поинтересовался, как отчество жены, Михаил Николаевич ответил:
— Она ещё молодая. Только что на пенсию ушла.

Михаил Николаевич поднял рюмку и произнёс:

— Давай, земляк, за знакомство, за нашу волжскую дружбу.

Вошла хозяйка и попросила Михаила Николаевича к телефону. Он прошёл к левому углу кабинета, взял трубку (я понял, что это параллельный телефон) и начал разговор.

Я оглядел кабинет. Везде книжные шкафы, забитые книгами. С левой стороны от меня, на стене, — картины и в центре — икона на дереве, старинная.

Из разговора я понял, что хозяин дома разговаривает с автором статьи в газете “Российский писатель” № 1 за январь 2002 года “Возвращение огня” Александром Дориным. Врезалась в память одна фраза: “Если бы у меня эти письма с фронта (Михаил Николаевич переписывался с девушкой из уральского города Ирбита Ольгой Кондрашенко) были на руках, когда я писал роман “Мой Сталинград”, то это был бы другой роман, ещё лучше...”

Закончив разговор, Алексеев вернулся к столу, сел на своё привычное место, взял в руки ручку и подписал мне книгу “Мой Сталинград”: “Дорогому моему земляку-волжанину Эдуарду Константиновичу Анашкину на память от автора. М. Алексеев. 20.1.2002 года Переделкино...”

Затем поднялся из-за стола, подошёл к одному из книжных шкафов, достал книгу и сказал:

— Я подарю вам мою самую любимую книгу.

Сел за стол, подписал и подал её мне, затем протянул для рукопожатия руку. Книга, изданная в городе Оренбурге в 1999 году печатным Домом Димур, называется “Карюха. Рыжонка”. Открываю обложку: “Доброму другу-земляку от такого же в прошлом пастуха Эдуарду Константиновичу на память о встрече. Автор М. Алексеев. 20.1.2002 года. Переделкино...”

А дальше сплошной монолог писателя.

— Это я виноват, что в Саратове не выходил долгое время журнал “Волга”. После выхода в свет моего романа “Драчуны” замечательный критик Михаил Лобанов написал об этом статью “Освобождение”. Я ему посоветовал и помог, чтобы она прошла в журнале. Статья была напечатана в 10-м номере — и началось. В “Литературной газете” появилась статья “Освобождение... от чего?”. Начали нас, двух Михаила, “разбирать” на всевозможных собраниях. Клеймили за национализм, за непонимание классовый борьбы. Особенно усердствовали заведующий отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, литераторы В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Валерий Дементьев. Главный редактор журнала “Волга” Николай Егорович Палькин без суда и следствия был снят с работы. А в романе моём была раскрыта правда о голоде, охватившем Поволжье в 1933 году. После снятия Палькина с редакторов журнал захирел и прекратил своё существование. А надо признать, что это был лучший журнал в регионе, да и в России его с удовольствием читали и выписывали. Сейчас я сделал всё возможное, чтобы журнал возобновить. Губернатор мне обещал. Думаю, что это не простые слова и журнал будет жить. А мой друг — Николай Егорович Палькин — молодец, не сломался. Он нашёл себя в песенном творчестве.

— А ты сам не пробовал печататься в журнале “Волга”? — спросил меня Михаил Николаевич. — Посылал свои рассказы?

— Да, посылал, но получил “отлуп” от заведующего отделом прозы Алексея Ивановича Слаповского.

— Да, многие талантливые литераторы получили, как ты говоришь, “отлуп”, — проговорил Алексеев. — А ведь Лёша — наш, саратовский, из села Чкаловское. Но хитрый мужик оказался. Добивался-добивался кресла главного редактора. Окружил себя друзьями такими же, как и он. Печатался в своём журнале раз за разом. В конце восьмидесятых в журнале опубликовал первую пьесу “Бойтесь мемуаров”, которая была поставлена всего один раз в Сызрани...

— Хорошо, что познакомился с земляком-волжанином. Я хорошо знаю, что наша Саратовская область граничит с южными районами вашей области, — тепло сказал Михаил Николаевич.

— Да, всё так. Наш Пестравский район соприкасается с Пугачёвским и Ивантеевским районами вашей области. Сам несколько раз был и в Пугачёве, и в Ивантеевке.

Когда я уходил из гостеприимного дома Алексеевых, попрощавшись с его женой, Михаил Николаевич проводил меня до калитки.

— От ворот до дома ещё сам дорожку очищаю от снега, — сказал мне Алексеев. — Удовольствие одно, люблю работать, голова светлая, вот только ноги подводят.

Около ворот остановились. Здесь, в углу около забора, стоит небольшой бревенчатый дом с гаражом.

— Была у меня своя машина “Волга”. А когда работал редактором журнала “Москва”, была служебная машина. Своя стояла, начала ржаветь, жена посоветовала продать... Можешь верить, можешь — нет, но в этом неотопляемом домике написал роман “Драчуны” и посвятил его своей внучке Ксении.

Мы попрощались. Захлопнулась дверь ворот. Я ещё долго стоял и смотрел в небольшую щель между створками ворот, как медленно и осторожно шёл к освещённому дому классик советской литературы”.

Не всегда в жизни получается так, как планируешь, как хочешь. Думал, в отпуск пойду зимой и съезжу в Переделкино, поработаю. Но отпуск дали только в начале сентября. Пришлось заниматься огородно-садовыми делами, запастись корм на зиму домашним животным.

И только когда освободился, уехал в Переделкино. По приезде в Переделкино спустился на первый этаж Дома творчества, где я обустроился, позвонил Михаилу Николаевичу. Он быстро откликнулся на телефонный звонок.

— Ты уже в Переделкино? Устроился? Жду тебя у себя на даче завтра. Сможешь? — Подумалось: ещё спрашивает? Хоть сегодня же пошёл бы!..

Калитка была открыта, значит, меня ждали. На веранде очистил туфли, зашёл в дом. Михаил Николаевич в фартуке что-то делал на кухне. Как оказалось, он варил и солил грибы. Жены дома нет, на два месяца уехала в Крым.

— Книгу я твою получил. Хорошая книга. Удачное название “Запрягу судьбу я в санки”. И предисловие написано прекрасно: краткое, ёмкое. Валя

Распутин зря писать не будет. О книге я обязательно напишу короткую рецензию или в “Правду”, или для Проханова в “Завтра”. По этому поводу необходимо выпить. Что будем пить?

А затем утвердительно произнёс:

— Вот мне подарили настоящий французский коньяк, его и попробуем.

Правда, закуска не для коньяка, но мы русские люди и, соответственно, закуска такая.

Михаил Николаевич улыбнулся, а затем сказал:

— Сходи, земляк, нарви свежего лучка, грядка — направо, как пойдёшь к воротам.

— Чем нарезать лук, Михаил Николаевич?

— Да ты что, не деревенский мужик? Нащипли его руками, и все дела.

Я так и сделал.

Выпили за мою книгу. Хозяин угощал грибами, спрашивая: “Как они?” На столе были колбаса, хлеб, горчица, зелёный лук.

— Ты, Эдуард Константинович, закусывай, закусывай, не стесняйся, — приговаривал хозяин, пододвигая ко мне поближе то колбасу, то грибы.

Сам же, взяв кусок чёрного хлеба, намазал его горчицей, а зелёный лук макал в соль и с аппетитом кушал всё это.

— Заметил, что дачи в Переделкино не продовольственные, а для работы? А я немножко нарушил общепринятые нормы жильцов, вскопал земельку, сделал грядку, посадил лук, и вот он, результат! Так и ел бы его — своими руками выращен. А раз своими, то и вкуснее в несколько раз.

— Пишу сейчас новый роман, скажу по секрету, название “Оккупанты”. Покажу в нём, какие мы были оккупанты! Я сам шесть лет был “оккупантом” в Австрии. Мы питались по карточкам, по таким же карточкам, как и наши люди в Советском Союзе, но мы умудрялись что-то от полученного пайка дать и австрийским детям — угостить их. Я познакомился недавно с обжигающими документами в поверженном Берлине. Первый: 11 мая, два дня спустя после Победы, Военным Советом фронта было принято постановление № 063 “О снабжении продовольствием немецкого населения Берлина”. А 31 мая — постановление № 080 “О снабжении молоком немецких детей в Берлине”. А в это время над Дунаем возродились заново построенные мосты. На месте рухнувших, которые, кстати, разбомбили не мы, а наши союзники. У них было больше самолётов, и они совершали свои налёты, и целые кварталы в Вене исчезли. Нам пришлось их восстанавливать. Вот такие мы были оккупанты!

— Ну, что, ещё по одной или хватит на сегодня? — спросил Михаил Николаевич.

— Давайте воздержимся. Вы же мне хотели грибные места показать.

Мы поднялись из-за стола, вышли на веранду, обулись и пошли по тропинке, а потом ушли влево от неё. Алексеев часто повторял одно и то же слово: “Осторожно!”

Когда я поинтересовался — почему? Ответ ошеломил меня.

— Да ты, земляк, на грибы наступаешь. Видишь, листва приподнялась, — значит, гриб, нагнись, присмотришь, срежь его ножичком, чтоб грибница осталась.

Мы прилично походили по даче, я почти промок, дождичек так и шёл. Остановились около ворот.

Михаил Николаевич о чём-то подумал и попросил меня:

— Подожди немножко, сейчас схожу в дом и принесу тебе подарок. Зайди вот сюда, под навес, — и он махнул рукой в сторону деревянного домика, где он писал “Драчуны”.

Через некоторое время хозяин возвратился и подал мне пакет, в нём была книга.

— Вот осенью, в конце ноября, поеду на малую родину, заеду к тебе на недельку. Я последние годы свой день рождения праздную около “Вишнёвого омута”. А ты, Эдуард, найдёшь мне по силам и возможности работу у себя на подворье? Вот и хорошо, что доверишь мне овечек убирать. Вспомню детство. Работать люблю, до костей я сельский мужик.

— Не понял я, Михаил Николаевич, о каком дне рождения вы говорите? У вас же в мае месяце день рождения.

— Нет, не всё ты знаешь обо мне. В паспорте моём проставлено: родился 6 мая 1918 года. И месяц, и число это возникли из небытия. Дело было так.

Когда я поступал в 1936 году учиться в Аткарское педагогическое училище, то необходимо было представить метрическую выписку о моём дне рождения. Запросили в сельском Совете села Монастырского. Поскольку метрик в Совете не оказалось (в тридцатом году они были уничтожены каким-то местным активистом-атеистом, потому как были религиозного происхождения), в сельском Совете обратились за помощью к потолку. Так и записали, как потолок подсказал: 6 мая 1918 года. А я родился 29 ноября, настолько привык к этому, что ни о какой другой дате и думать не хочу. Но главное для меня стало то, что в прежние времена новорождённые автоматически наследовали имена святых. Значит, я родился в районе Михайлова дня. А Михайлов день бывает только в ноябре.

— Да, вы правы, Михаил Николаевич, — сказал я. — У меня тесть родился в ноябре месяце, правда, 1913 года, но день рождения всегда ему отмечаем на Михайлов день. И зовут-величают его Михаил Ильич.

— Вот, вот, и я об этом говорил и говорю. В своих биографиях писал об этом даже. Найди мою книгу “Меж дней бегущих”. Там, в статье “Познай самого себя”, об этом я подробно всё рассказал.

Михаил Николаевич крепко пожал руку и произнёс: “Жди поздней осенью. Обязательно приеду к тебе...”

А я уже в комнате Дома творчества достал из пакета прекрасно оформленную книгу “Михаил Алексеев. Драчуны. Карюха. Рыжонка. Трилогия”. Москва. Современный писатель. 1998 год.

Открываю и читаю: “Книга издана к 80-летию благодаря Губернатору Саратовской области”. А на титульном листе: “Земляку и талантливому писателю Эдуарду Анашкину на память и с глубоким уважением. М. Алексеев. 11.09.2003 г. Переделкино”.

Перед Новым годом начальство сообщило, что я в отпуск иду по графику, перед Рождеством Христовым. Хорошо, очень хорошо. Праздник буду дома со своей семьёй, а затем поеду в Москву, надо решить кое-какие свои вопросы, повидаться, поговорить со своими друзьями-писателями, коллегами по перу.

Позвонил Михаилу Николаевичу, сказал о своём плане. Ответ был краток:

— По приезду позвони. Жду тебя в любое время суток.

И вот я снова у Михаила Николаевича. Сидим в его кабинете, беседуем. Говорит хозяин дома, а я больше слушаю:

— Я тебе подписывал свою главную книгу “Мой Сталинград”. Выступая в Центральной библиотеке имени Ленина, об этой книге я говорил так: “Мой Сталинград” — это действительно мой, а не чей-то там Сталинград. Каждый из нас, кто был там, мог сказать: “Сталинград — это моя судьба”. И из слабаемого миллиона судеб зримо предстаёт судьба победителей и побеждённых, судьба живых и мёртвых, больше мёртвых, чем живых. Первую боевую награду — медаль “За боевые заслуги” — я получил в Сталинграде, и получил я её за то, что, когда сменил выбывшего командира роты, вывел бойцов из окружения. Но для меня самая дорогая награда, самая ценная — это медаль “За оборону Сталинграда”. Вот подожди, что покажу...

Михаил Николаевич поднялся из-за стола, подошёл к книжному шкафу, достал из какой-то коробочки уже пожелтевший, вчетверо сложенный лист бумаги. Я развернул его:

За нашу Советскую Родину

Удостоверение

За участие в героической обороне Сталинграда политрук Алексеев Михаил Николаевич Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. награждён медалью “За оборону Сталинграда”

Это не орденская книжка, а обыкновенный плотный лист бумаги, уже изрядно пожелтевший.

— Сразу после журнальной публикации романа “Мой Сталинград” я был приглашён посетить Францию. Пригласили меня из четырёх городов. Французы повторяли одно и то же: “Там, на Волге, вы спасли не только свою страну, но и нас”. Во Франции я посетил мемориал Второй мировой войны: они собрали кинохронику всех союзников-победителей. Две двери. На левой написано: “1945”, на правой: “1939”, год начала Второй мировой войны. Медленно спускаюсь по покатому пандусу — и попадаю на войну. Звуки стрельбы, рвущихся авиабомб, грохот рухнувших наземь домов. На нижней точке

спуска смотрю вверх — там огромными буквами написано по-немецки одно слово: “Сталинград”. Отсюда начался подъём к победе. Я лично написал письмо на имя нашего президента с почти молитвенной просьбой: “Верните городу имя Сталинград! Ведь это же символ победы над фашизмом не только для нас, но и для всего мира. А мы от него отказываемся. Нас становится всё меньше и меньше, но пока будет Россия — будут наследники победителей в Сталинграде”. В ответ — тишина... Надеялся, что на праздновании 2 февраля прошлого года 60-летия Сталинградской битвы в городе на Волге президент что-то скажет конкретно. Да что я говорю, — Михаил Николаевич махнул рукой, — зайди в Союз писателей, найди газету “День литературы”, и в материале Галины Платовой хорошо об этом сказано, хотя и кратко.

Не поленился, зашёл в редакцию газеты, нашёл нужный номер с материалом. Вот что она пишет о праздновании Сталинградской битвы: “Их, сталинградцев, с каждой встречей всё меньше, и всё пронзительнее радость встреч с однопольчанами. В этот раз мечталось воинам-сталинградцам, что ради знаменательного Дня воинской славы, в честь разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве в 1943 году, городу будет возвращено историческое имя — Сталинград. С ним город себя обессмертил, так его зовут за рубежом. Да и в Кремле вроде бы витала такая идея. Но президент, в протокольном порядке отметившийся на юбилейной встрече с ветеранами в Волгограде, не проронил ни слова о возврате имени городу-герою. То ли забыл, то ли побоялся?..

А ведь для восстановления имени города не нужны особые финансовые затраты, которых так боится нынешняя рыночная власть. Только и нужен был Указ. А как бы он порадовал сталинградцев! Но и в малом президент не уважил ветеранов. Им, в том числе и писателю М. Алексееву, в тот светлый день новая власть преподала свой очередной жестокий “урок”...”

Уходил я от Михаила Николаевича опять с дорогим подарком.

— Вот тебе, земляк, мой первый роман “Солдаты”. В 2002 году исполнилось 50 лет со дня выхода. Долгожитель, и главное, читают и у нас, и за рубежом.

Алексеев вручил мне книгу в великолепной обложке: “Солдаты. Роман. Приволжское книжное издательство. 2003 г. г. Саратов” — с такой надписью на титульном листе: “Дорогому моему земляку и прекрасному писателю Эдуарду Анашкину на всё самое доброе. М. Алексеев. 18.01.2004 г. Переделкино”.

Пожимая мне руку, Михаил Николаевич сказал:

— Приятно было получить мне такой подарок к 85-летию. Спасибо землякам!

В январе месяце 2005 года, уже поздно вечером, зазвонил телефон. Поднял трубку и услышал голос Алексеева:

— Не спишь ещё, Эдуард? Нет? Хорошо. Жду тебя 19 января, в день великого праздника Крещения Господня в конференц-зале Союза писателей на Комсомольском, 13, в пятнадцать часов. Мне будут вручать премию “Имперская культура” за повесть в письмах “Через годы, через расстояния”. Не подведи, ты у меня в списке. О финансовых расходах не беспокойся, решим всё на месте.

В трубке прозвучал отбой.

18-го числа, в морозный, солнечный день я уже был на железнодорожном вокзале Самары. Но не всегда так получается, как запланируешь. На фирменный поезд “Жигули” плацкартных мест не оказалось, а на купейное не хватило денег. Сутки промучившись, уехал только на завтра, в день великого праздника.

Москва встретила мокрым снегом. Сразу же на Киевский вокзал, а там — на электричку и в Переделкино...

Сижу на даче Михаила Алексеевича. Хозяин отпаивает меня густым чаем с мёдом, а сам рассказывает о торжественной церемонии награждения.

— Дали слово и мне как лауреату. На, прочти, — и Михаил Николаевич протянул лист бумаги.

“Мои дорогие, в самом начале небольшой моей повести, которая вдруг подняла меня на такую высоту — награждения имперской премией, от такого слова даже дух захватывает! — мне кажется, я угадал, куда бы ни увели меня новые пути-дороги, Сталинград-то меня не отпустит, потому что он во мне, а я в нём. И так будет до конца дней моих. А когда я посетовал на свои ноги (вот и на сцену не могу подняться), дескать, почему они прихрамывают,

то они так рассердились, так скрипнули... И я услышал: “И тебе не стыдно? Мы тебя пронесли целых две войны и ещё 60 лет в придачу”. Так что, прости-те, ноги мои, вы честно исполнили и исполняете свой долг передо мной...

Спасибо вам, мои друзья, мои коллеги, что пришли на этот праздник, прямо скажем, несколько для меня неожиданный. Выходили у меня большие романы, повести, а тут маленькая вещичка – и вы её заметили... К сожалению, не дождавшись всего одного месяца, ушла из жизни женщина, девушка моей юности Оля Кондрашенко, без которой эта книга никогда бы не вышла... Шестьдесят лет она хранила письма, которые я присылал ей из Сталинграда, потом с Курской дуги, из-за Днепра, из Венгрии, Румынии, Австрии, Чехословакии... до самого последнего дня моего участия в Великой Отечественной войне... Да, *есть женщины в наших селеньях*, и в городах, и в лесах... И останутся они моими “ивушками неплакучими”... до конца моих дней.

Как важно оказалось связать нас, русских писателей, узами нравственными, духовными с Православной Церковью... И вы видите, как здорово мы выиграли во всём...

Спасибо вам, дорогие друзья мои!”

– Хорошо сказано, – произнёс я. – Главное, что вам эту премию вручили в год празднования 60-летия Победы над фашистской Германией.

– Знаешь, а нас всех, собравшихся в зале, тронуло Слово Агафангела, Митрополита Одесского и Измаильского, постоянного члена Священного синода Украинской Православной Церкви, по случаю награждения его премией “Имперская культура”, – с радостью сказал Михаил Николаевич, – до слёз меня тронули его правильные слова.

Помолчав, хозяин дома продолжил:

– Не велика материальная составляющая (диплом и ценный подарок) этой премии, но её авторитет среди деятелей отечественной культуры и науки чрезвычайно высок. Я не знаю, кто – друзья или недруги – подсчитал, что я лауреат 73 литературных премий. Ну, а теперь могут и ещё одну приплюсовать, получится 74. А вот две главные премии прошли мимо меня. Это Сталинская и Ленинская. Был в списках награждённых утверждён, но в самый последний момент вычеркнули. О Сталинской ты знаешь, об этом много писали и говорили. А вот о Ленинской была тишина долгое время. После статьи Миши Лобанова начался большой шум. Даже ЦК КПСС вмешался. А до этого члены комитета по Ленинским премиям единодушно проголосовали за присуждение Ленинской премии автору “Драчунов”, то есть мне. А после статьи сверху даётся указание отменить результат, и я лишаюсь премии. Сейчас столько всевозможных премий, что не счесть, и многие идут на развал России. А вот Сталинская и Ленинская были, наоборот, на укрепление, на усиление Родины.

– Михаил Николаевич, а как дела с “Оккупантами”? Не пишется?

Алексеев махнул рукой и с обидой ответил:

– Ты что, земляк? Этот автобиографический роман идёт к своему завершению. Вот немного времени им не занимаюсь, в сторону отложил. Всю войну я вёл переписку с одной женщиной, её звали Ольга Кондрашенко. У нас была влюблённая и светлая переписка. Посылал ей письма из Сталинграда, с Курской дуги, с Днепра, из Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Она их все сохранила. И вот на основе этих писем я сел за рабочий стол и на одном дыхании написал повесть. Она вышла в прошлом году под названием “Через годы, через расстояния”, хотя первоначально название повести было такое: “Лирическая повесть в письмах”.

Все узнали о нашей былой любви. Но не узнает о ней только Ольга Николаевна – книга вышла после её смерти. Это была совершенно потрясающая женщина. А сейчас я опять за столом. Так что работаю...

Я согрелся в тёплом доме Алексеева не только горячим чаем, но и тёплым, добрым вниманием, которое мне оказал Михаил Николаевич.

Уходил с тяжёлым пакетом-подарком. Хозяин – патриарх советской литературы – подарил мне собрание сочинений в шести томах издательства “Молодая гвардия”.

На титульном листе первого тома вписан такой автограф: “Дорогому моему земляку-волжанину Эдуарду Константиновичу Анашкину на память о первой встрече, с самыми дорогими пожеланиями. М. Алексеев. 20.01.2005 г. Переделкино”.

— Сохранил один экземпляр шеститомника, хотя и вышел он почти двадцать лет назад, — задумчиво проговорил Михаил Николаевич, обнимая меня. — Всё лежал на всякий случай. И вот он, случай, подвернулся. Я люблю тебя, прижимаю к сердцу, как Александр Фадеев меня когда-то давно пригрел на своей груди. Удачи тебе в творчестве...

В 2006 году мне не удалось побывать в Москве, на работе не отпустили в отпуск — началась экономия. Однако в январе 2007 года получаю вызов из Союза писателей приехать в столицу. Оказывается, мне присудили Всероссийскую литературную премию “Имперская культура” за книгу “Лети, мой блистательный снеже...”, выпущенную в прошлом году.

Собрался, поехал. Из Дома творчества позвонил Михаилу Николаевичу. В трубке незнакомый женский голос: “Михаил Николаевич тяжело болеет. Не беспокойте...”

Уезжал с щемящим сердцем. Тяжело было на душе.

20 мая вечером, закончив дела на огороде, зашёл в дом. Не успел умыться, привести себя в порядок, — телефонный звонок. Голос Дианы Кан: “Где ты пропадаешь? Дозвониться не можем. Вчера Алексеев умер”. Трубка выпала из рук.

Сразу же за свежую почту — в газетах ни строчки. По “ящику” такая же тишина.

— Что же делать? — в голове только такой вопрос. Звоню в Союз писателей. Отвечает дежурный охраны: “Да, правду вам сообщили. Похороны на Переделкинском кладбище...”

У нас, в Самарской области, почитатели таланта Михаила Алексеева узнали о его кончине из газеты “Волжская заря” от 23 мая № 52, где работавшая в то время заведующей отделом культуры Диана Елисеевна Кан дала большой некролог с портретом писателя.

А центральные СМИ промолчали.

Через месяц в Союзе писателей России состоялось вручение ордена Петра Великого I степени семье Михаила Алексеева. Эта награда Академии безопасности и правопорядка готовилась к вручению большому писателю ещё при его жизни, но так случилось, что была вручена посмертно.

Из рук Героя Советского Союза М. Борисова награду приняла внучка М. Алексеева Ксения, которой когда-то дед посвятил один из лучших своих романов “Драчуны”.

А на родине Михаила Николаевича, в селе Монастырское, по решению Совета депутатов Симановского муниципального образования и при непосредственном участии главы сельского поселения И. П. Трышкина была торжественно открыта на фасаде здания общеобразовательной школы мемориальная доска памяти М. Н. Алексеева — писателя-фронтовика, Героя Социалистического Труда, Почётного гражданина Саратовской области.